

8 КЛАСС

Тема №6: Прямая речь. Диалог. Цитаты и знаки препинания при них

ДИКТАНТ №1

Капризный грачонок сидел со своей мамой на верхушке березы. Оттуда он увидел в рядочке густой зелени красный блестящий шарик. Грачонок слетел на землю, затряс крыльями, разинул пасть и крикнул: «Ка! Мама, дай!»

Грачиха-мама оторвала красный шарик от стебелька и сунула сыну в горло.

«Гум!» — крикнул капризный грачонок, проглатывая шарик. И тотчас снова разинул пасть.

Он просил еще: «Ка! Мама, дай мне ягоду еще больше, еще больше!»

Грачиха-мама наклонилась над кустиком и собралась вытащить из-под него огромную ягоду. Вдруг она услышала топот и крик. По дорожке бежал сторож, размахивая руками.

«Улетай!» — крикнула мать грачонку.

«Что это за птица с крыльями без перьев? — спросил грачонок, усевшись рядом с мамой на тополе. — Что это за птица на нас так раскаркалась?»

«Человек, — ответила мать. — Улетим подальше».

И они полетели над садами, над огородами и домами. И долетели до опушки леса.

Капризный грачонок сел на пенек, затряс крыльями, разинул пасть и крикнул:

«Ка! Мама, дай! Дай мне большую красную ягоду!»

ДИКТАНТ №2

Отец часто и подолгу сидел на лавочке под окном и вспоминал пережитое. Как-то он сказал: «Что моя жизнь? Для себя, может, что-то и представляет, потому что своя, а для других ничего такого она не содержит».

Приходит время и мне вспоминать, и я думаю: «А моя — содержит?» И прихожу к выводу: особенного нет, не содержит. Особенное — в поколении. Мы не похожи на отцов, мы не пахари, мы только дети пахарей. Первые оторвавшиеся от плуга, но не порвавшие с землей, деревенские интеллигенты. Мы служили пахарям, учились и учили, звали и вели, будучи сами связаны с отчим домом. В нас было что-то, если хотите, переломное. Когда у пахаря не уродился хлеб, он не ищет виноватых, он винит только себя, он продолжает работать — и это сулит ему новый урожай.

Мое поколение — и я вместе с ним — сеяло свой посев ровно полвека. Для истории срок небольшой, для отдельного человека — целая жизнь, и на ее исходе естественно задаваться вопросами: «Удалась ли твоя жатва? Обильна ли она? Сколь необходимо народу было, так сказать, твое присутствие на земле». Вопросы сложные, и однозначно на них не ответить.

ДИКТАНТ №3

На крыльце моего дома спал чужой рыжий огромный кот.

Разморенный солнцем, он привалился к двери спиной и посапывал. Я кашлянул. Кот приоткрыл глазок. И это, доложу вам, был жуткий глазок, вполне бандитский. Изумруд и лазурь горели в нем.

Оглядев меня, облив лазурью, обдав изумрудом, глазок закрылся.

«Позвольте пройти», — сказал я.

Кот не шевельнулся.

«Вы не правы, — как можно мягче заметил я. — Ну, согласитесь, это мой дом, приобретенный недавно по случаю. Вы спросите, откуда у меня такие деньги? Я работал, уважаемый. Работал ночами, над-ры-ва-ясь! Позвольте же пройти мне в свою собственность».

Пока я нес эту белиберду, кот отворил оба глаза, слушая меня с интересом. На слове «над-ры-ва-ясь» он встал, потянулся и отошел в сторону, освобождая проход. Я открыл дверь.

«Прошу, — сказал я. — Пожалуйста, заходите».

Пропустив меня вперед, кот вошел следом.

«Располагайтесь, — предложил я. — Вот печь, вот табурет».

Гость оглядел печь и табурет и, заметив на полу солнечное пятно, падающее из окна, с наслаждением развалился в нем.

Я сел к столу и занялся каким-то делом, но дело это не клеилось. Огненный бандит на полу отвлекал меня. Я достал кисть и акварель и произнес: «Один набросок... приподнимите голову». Кот приоткрыл глаз и приподнял голову, а я стал его рисовать.

Солнечное пятно двигалось по полу, к закату.

Кот пятился, перемещаясь вслед за пятном, за ним пятился и мой рисунок.

Солнечное движение не мешало мне. Рыжий сохранял позу, не опускал голову. Похоже, он понимал, что рисование котов — дело ответственное в наше время, важное дело.

Когда пятно солнечное полезло на стенку, я кончил работу и сказал: «На сегодня хватит».

Кот поднялся на ноги, размялся, потянулся, мельком оценил рисунок, что-то муркнул, вроде «неплохо», и, не прощаясь, вышел.

ДИКТАНТ №4

Твардовский не относился к людям, с которыми легко и просто. Но общение с ним всегда было интересным.

Мы познакомились с ним сразу после войны. Обоим было тогда лет по тридцать пять. Но он уже ходил в знаменитых писателях, «Теркина» знали наизусть, а я пришел к нему в кирзовых сапогах, в гимнастерке, с заплатанными локтями и робко сел на краешек стула в кабинете. Некоторое время он внимательно и доброжелательно меня разглядывал, а потом огорошил вопросом: «Это что же, вы безопасной бритвой так ловко пробриваете усы или опасной?» Я растерялся, но потом вынужден был признаться, что да, безопасной. Он часто потом возвращался к этим злосчастным усам.

Вообще Трифоныч мог смутить человека каким-нибудь неожиданным суждением или вопросом. Но в тот раз он был удивительно внимателен. Просто он очень не любил людей, много уделявших себе внимания. Я видел, как постепенно терялся у него интерес к такому человеку. Нужно сказать, что пошлость в любых своих проявлениях была ему противопоказана. Я говорю сейчас обо всех этих мелочах не только потому, что из них складывается целое.

Твардовский близок и дорог мне именно этими черточками. Может быть, с ним не всегда легко дружить, но от одного сознания, что он есть, всегда становилось легче.